

18+

Саша Мгин

Машисты

Повести о двух гениях

Саша Игин
Шашисты. Повести
о двух гениях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73312628

ISBN 9785006925823

Аннотация

Они были титанами. Их имена вписаны в историю шашек золотом. Один – непревзойдённый стратег, чей стиль игры сравнивали с «шашечным барокко». Другой – «шашечный лев», многократный чемпион мира, легенда, казавшаяся непобедимой. Погрузитесь в историю двух легенд, чья жизнь за пределами 64-х клеток оказалась полем для самой сложной и драматичной партии – партии с самой судьбой. Гении. Победители. Жертвы. Несломленные. Истории, от которых невозможно оторваться.

Содержание

Святой на доске. Повесть	5
Часть I: ХОДЫ. Становление Короля (1922—1958)	6
Пролог	6
Глава 1. Поле (Хабно, довоенные годы)	9
Глава 2. Дебют	13
Глава 3: Новая доска (1950-е)	18
Глава 4. Претендент (1958)	23
Часть II: КОМБИНАЦИЯ. Игра с Системой (1959—1978)	29
Глава 5. Царство	29
Глава 6. Тень Баба Си (1963)	33
Глава 7. Призрачный титул (1975)	38
Глава 8. Эндшпиль (1978)	43
Часть III: ВЕЧНАЯ ПАРТИЯ. Изгнание и Бессмертие (1978—2006)	48
Глава 9. Нулевой дебют	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Шашисты

Повести о двух гениях

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-2582-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Святой на доске. Повесть

Часть I: ХОДЫ. Становление Короля (1922—1958)

Пролог

Бостон, 2006-й.

Снег, падавший за окном старой квартиры на окраине, был похож на тихий, бесконечный реквием. Он засыпал грязные сугробы, приглушал звуки города, пытался укутать и этот кирпичный дом, и всю его неприглядную, потёртую временем историю. Внутри, в гостиной, где пахло пылью, старыми книгами и одиночеством, было холодно. Батареи едва дышали, и Адам Иосифович не включал обогреватель – берег пенсию, да и привык к холоду. Он привык ко многому.

Тело его, долгое, костлявое, замерло в кресле у стола. Рука, иссохшая и прозрачная, с синими прожилками рек, застыла в воздухе над шашечной доской. Доска была старой, самодельной, с потёртыми черно-белыми клетками-окошками в иные миры. На ней стояла позиция. Не начатая партия, нет. Глубокая, многоходовая задача, над которой он бился уже неделю. Мельчайшие, невидимые миру бури сражений, осады и жертвы, вся вселенная, сжатая в шестьдесят четыре клетки.

Он не чувствовал, как ледяная тяжесть поднимается от ног к сердцу. Не слышал тиканья часов, давно остановившихся в углу. Его сознание, тот острый и безжалостный инструмент, что когда-то заставлял трепетать чемпионов на трех континентах, теперь было сфокусировано на одном-единственном пункте. На прорыве. На жертве, которая должна была раскрыться, как идеальный цветок, и привести к кристальной, математической гармонии. К красоте. К истине.

«Если отдать вот эту дамку... – мысль была ясной, как алмаз, отточенный десятилетиями. – Не сейчас, а на пятом ходу, предварительно ослабив черные тылы ходом g3-h4... Тогда белые простые получают невидимую связь...»

Боль, резкая и влажная, сжала грудь. Мир за окном поплыл, превратился в белесое пятно. На столе перед ним замерцали призраки: шумный зал московского турнира 1958-го, когда ему вручали диплом гроссмейстера; запах сигарет и пота в нью-йоркском клубе, где он обыграл самоуверенного чемпиона США; тихий голос отца, учившего его первым ходам в маленькой одесской комнатке, еще до войны, до всех войн его жизни. Он слышал, как его называли «Апостолом». С уважением и насмешкой. Слишком серьезен, слишком фанатичен, слишком верил в святость этих деревянных фишек, в их высшую логику, способную упорядочить хаос мира.

А мир оказался сильнее. Мир с его границами, предательствами, эмиграцией, забвением. Он унес славу, призна-

ние, близких. Оставив лишь эту доску. И вечное, неутолимое стремление к идеальной комбинации.

Второй удар был уже не болью, а просто... отключением. Темнота наступала с краев зрения, как черные шашки, захватывающие поле. Но мысль не о жизни. Ни о сыне, с которым не говорил десять лет. Ни о женщинах, которых любил и терял. Ни о родине, которую предал или которую предали его – он так и не решил.

Мысль – о комбинации.

«...и тогда черный фланг рухнет, – торопливо, отчаянно достраивал он в уходящем сознании. – Получится цугцванг... Абсолютный цугцванг...»

Темнота сомкнулась. Рука упала на доску, слегка сдвинув одну из дамк. Идеальная позиция была нарушена. Недостроенный храм рухнул.

На следующее утро его найдет почтальон, принесший пенсию. Старик будет сидеть, склонившись над своей вселенной, с легкой, почти улыбкой на тонких губах. На столе, рядом с доской, лежала стопка исписанных листков – последний, незаконченный анализ. И на самом верху, дрожащим, но еще твердым почерком было выведено: «Вариант „Апостол“. Белые строят бессмертие».

Но бессмертие, как и идеальная комбинация, осталось незавершенным. Осталась только тишина, падающий снег и эхо великой, непонятой миром игры, затихшее в пустой бостонской квартире.

Глава 1. Поле (Хабно, довоенные годы)

Пыль Хабно пахла нищетой и пеплом. Она въедалась в стены домов-мазанок, в дерево лавок, в одежду, в кожу. Она была везде – эта мелкая, серая, неизбывная пыль местечка, затерянного где-то между Минском и Мозырем. Мир здесь был тесен, как замшелый колодезный сруб, а горизонт упирался в чахлый сосняк за околицей. Реальность была не просто трудной; она была колючей, голодной, неумолимой в своей скудости. Она требовала сгибать спину над землёй, которую никогда не назовёшь своей, и молчать, всегда молчать.

Адам Иосифович не сгибался. Он убегал.

Его убежище не имело ни окон, ни дверей. Оно умещалось в квадрате. В идеальном квадрате, расчерченном на шестьдесят четыре меньших квадрата – тридцать два тёмных, тридцать два светлых. Он начертил его сам, куском извести, на столешнице грубого кухонного стола, который пах кислыми щами и старым деревом. Стол был миром. Линия, проведённая под линейку отцовского угольника, – границей вселенной. Здесь не было пыли Хабно. Здесь царил порядок.

Здесь он был понятен сам себе.

Вне доски он был просто Адиком, долговязым, тихим мальчиком с слишком внимательными глазами. Его мысли

путались, слова казались непослушными и неточными, мир – шумным и бесформенным хаосом. Но на доске... На доске всё вставало на свои места. Каждая шашка – чёрная или белая – подчинялась простым и ясным законам. Прямолинейное движение. Взятие. Превращение в дамку. Здесь не было места случайности, только холодная, кристальная логика. Здесь можно было просчитать всё на десять, на двадцать ходов вперёд. Предвидеть. Контролировать. Создавать.

Его первым противником был отец, Иосиф, столяр с мозолистыми руками и вечной усталостью в плечах. Он учил его не правилам – правила Адам вычитал в потрёпанном журнале «Шахматы и шашки», – а тишине. «Слушай доску, – хрипел отец, двигая потёртую деревянную шашку. – Она тебе всё скажет. Шум – в головах у людей. Здесь тишина. И в тишине слышно больше».

Адам слушал. И слышал. Он слышал, как поля вступают в немой диалог, как линии напряжения прочерчиваются между фигурами, как рождается комбинация – тихая, как взведённая пружина, и неотвратимая, как падение камня. Он перестал видеть просто шашки. Он видел силы: напряжение, связки, жертвы, освобождение полей, далекие проходы в тыл. Доска стала для него не игрой, а языком. Единственным языком, на котором он мог говорить ясно, громко и победоносно.

Победы на местном уровне пришли сами собой, как неизбежное следствие. Сначала в школьном кружке, где он раз-

громил учителя математики, задумавшегося на пятнадцатом ходу. Потом в клубе при райсовете, где старики в потёртых пиджаках, попыхивая самокрутками, качали головами, глядя, как долговязый подросток строит на доске изощрённые ловушки, в которые они попадались, как мухи в паутину. Его имя стало известно в округе. «Мальчик из Хабно», «Вундеркинд». Ему пожимали руки, вручали грамоты, похлопывали по плечу. Но слава была плоской и незначительной, как те грамоты. Она не касалась сути.

Суть была в моменте полного, абсолютного понимания. В той секунде, когда, глядя на позицию, он вдруг видел её всю – от первого до последнего хода. Как будто туман рассеивался, открывая идеальный, геометрически безупречный пейзаж. В эти мгновения он не чувствовал ни голода в животе, ни тревоги за завтрашний день, ни необъяснимой тоски, которая накатывала вне доски. Он был чистым сознанием, парящим над упорядоченным миром из тридцати двух белых и тридцати двух чёрных клеток. Он был богом в своей маленькой, совершенной вселенной.

Он ещё не знал, что богов свергают. Что доски бывают не только нарисованными на кухонном столе. Что большую игру ведут не по правилам, а вопреки им, и клетки её поля – не чёрно-белые, а кроваво-красные. Он ещё не слышал грома будущих бурь, которые сотрут с карты самое Хабно и разметают его обитателей по свету, как ветер сухие листья.

Он знал только тишину доски. И порядок. И своё отра-

жение в полированной поверхности шашки – неясное, искажённое, но впервые обретшее цель.

За окном сгущались сумерки, пахло дымом и приближающейся весной. Адам Иосифович, не отрывая глаз от нарисованного поля, передвинул дамку. Тихий, сухой стук костяшки о дерево прозвучал, как первое, ещё неосознанное, объявление войны хаосу целой жизни.

Глава 2. Дебют

Москва пахла победой и известкой. Запах свежей штукатурки, скрывающей следы осколков, смешивался со сладковатым душиком американской тушёнки на пунктах раздачи и едким дымом махорки. Адам Иосифович шёл по Тверской, и подошвы его кирзовых сапог, ещё не привыкшие к асфальту, искали привычной кочковатости фронтовой земли. Он был пустым, этим двадцатитрёхлетним солдатом. В нём выгорело всё, кроме одного – той самой доски в восемь на восемь клеток, что жила у него под черепом, яркая и неумолимая, как кошмар или молитва.

Чемпионат СССР по шашкам. Дворец пионеров на Воробьёвых горах. Казалось бы, нелепость: страна в развалинах, а они будут переставлять деревянные дамки. Но партия решила – надо. Нужны новые мирные герои, символы возвращения к нормальности. Спортивная победа как продолжение победы на фронте.

В раздевалке пахло нафталином и чужим потом. Адам скинул гимнастёрку с потёртыми петлицами, под которой угадывались рёбра, обтянутые кожей. Рядом возились мужчины с сосредоточенными лицами интеллигентов и атлетичными плечами рабочих – знаменитости, чьи портреты печатали в «Огоньке». Они перешёптывались, бросали на него косые взгляды. «Святой? С фронта? Посмотрим». Его фа-

милия, полученная в детдоме, всегда работала как провокация. Адам молча натянул чистую, но поношенную рубашу. Он не чувствовал себя участником. Он был снарядом, нацеленным на единственную точку.

Зал был залит светом. Шеренга столов, притихшие зрители на скрипучих стульях. Гул смолк, когда главный судья объявил начало. Адам сел за свой стол. Противник – седовласый Михаил Борисович Разумовский, трёхкратный чемпион, живая легенда. Его лицо излучало спокойную, отеческую уверенность. Он кивнул новичку, как кивают неразумному ребёнку.

– Желаю интересной игры, товарищ, – сказал Разумовский. Адам только кивнул. Голодающее нутро свела судорога, но руки были твёрдыми.

Партия началась. Дебют «Отыгрыш». Стандартный, почти учебный ход Разумовского. Адам ответил автоматически. Первые десять ходов – разведка. Разумовский вёл игру в своей привычной, позиционной манере: надёжно, фундаментально, как строят дом. Он наращивал мелкое преимущество, ожидая, что молодой солдат, поддавшись давлению, начнёт метаться или пойдёт в необдуманную атаку.

Но Адам не метался. Он сидел недвижимо, словно вкопанный. Его глаза, серые и глубокие, как колодцы, не отрывались от доски. Он не видел деревянных шашек. Он видел силовые линии, узлы напряжения, тикающие ловушки будущего. Война научила его не церемониться с будущим. Она

научила его жертвовать.

На семнадцатом ходу Адам пожертвовал шашку.

В зале пронёсся сдержанный вздох. Разумовский приподнял бровь. Грубая ошибка? Отчаяние? Он взял шашку, следуя железной логике. Но в тот же миг понял, что попал в расставленные сети. Жертва была не ошибкой, а ключом. Она взломала всю безупречную оборону Разумовского, как взрывчатка взламывает дот.

Адам ожил. Его пальцы, только что лежавшие на столе плашмя, теперь порхали над доской, ставя дамки с лёгким, почти невесомым щелчком. Каждый его ход был не просто ответом – это был приговор, озвученный тихо, без пафоса. Он не играл против Разумовского. Он разбирал на части самую идею его игры, его многолетнюю, выстраданную теорию. Он делал это с такой же безжалостной эффективностью, с какой его рота брала укреплённые высоты.

Разумовский посерел. Его уверенность треснула, поплыла, как краска в воде. Он задумался на десять минут, на двадцать... Сделал ход. Адам ответил мгновенно. Как будто он знал этот ход загодя, знал все возможные ходы в этой вселенной. Он играл не из настоящего. Он играл из будущего, которое уже видел.

Когда Разумовский, с трясущейся рукой, перевернул короля на бочок в знак капитуляции, в зале на секунду воцарилась абсолютная тишина. Аплодисменты были сдержанными, больше похожими на шок. Победа новичка над патриар-

хом? Да ещё такая... тотальная.

Адам встал. Он не улыбнулся. Он лишь слегка выпрямил спину, и в этом движении было что-то от расправленных плеч после сброшенной ноши. Он победил. Но это была не победа в шашках. Это был его первый по-настоящему мирный поступок после четырёх лет убийств. Он не отнял жизнь. Он создал порядок, красоту, неопровержимую истину на клетчатом поле. В эту минуту он вернулся к жизни. Не Адам-солдат, а Адам-феномен. Существо, состоящее из логики и воли.

Он шёл по коридору, не слыша поздравлений. В ушах ещё стоял щелчок последней поставленной дамки. Из кабинета организаторов вышел мужчина в хорошо сидящем штатском, с внимательными глазами. Он не был спортсменом. – Товарищ Святой? – голос был ровным, дружелюбно-деловым. – Поздравляю с блестящим дебютом. На вас уже обратили внимание. Очень вовремя. Стране как раз нужны такие... яркие таланты. Настоящие, народные.

Мужчина улыбнулся, но глаза оставались непроницаемыми, изучающими. Адам почувствовал холодок у основания позвоночника, тот самый, что предшествует артобстрелу. Система заметила. Она понюхала новую кровь, новый тип героя. Не у станка и не на поле боя. За зелёным сукном.

– Спасибо, – хрипло сказал Адам. – Отдохните, – кивнул мужчина. – Впереди ещё много игр. И много работы.

Адам вышел на крыльцо. Москва вечерела. Где-то пели,

празднуя Победу, которая для него только что обрела новый, странный смысл. Он сделал глубокий вдох. Воздух больше не пах тлением. Он пах возможностью. И страшной, неведомой ценой. Его дебют состоялся. Игра только начиналась.

Глава 3: Новая доска (1950-е)

Доска в шестьдесят четыре клетки была его миром. Миром ясным, отточенным, как гранёный стакан. В нём он знал каждую тень, каждый ход, каждое эхо возможностей, отражённое от деревянных границ. Адам Иосифович Святой дышал этим миром, жил в его геометрии. Но однажды – это был пасмурный ленинградский день 1952 года – ему положили на стол другую доску.

Сто клеток.

Он долго смотрел на неё, как астроном на незнакомую карту звёздного неба. Непривычный простор пугал и манил. Двадцать рядов вместо восьми. Диагонали, растянувшиеся в, казалось бы, бесконечность. Шашки, получившие право превращаться в «летающие дамки» – франки, способные перемещаться на любое расстояние по диагонали. Это была не просто новая игра. Это была иная вселенная, с иной физикой, иной метафизикой.

Переход с русских шашек на международные, стоклеточные, в те годы стал для советских мастеров суровой необходимостью – дорогой в большой мир, к чемпионатам Европы и мира. Для многих это был болезненный слом, насильственная пересадка на чужую почву. Для Адама – откровение.

Он подошёл к ней не как ученик, а как первооткрыватель. Теории стоклеточных шашек существовали, но он не изу-

чал их – он исследовал. Он садился за доску вечерами, когда в коммунальной квартире затихали звуки, и погружался в этот расширенный космос. Его жена, Анна, тихо сидела с вязанием, наблюдая, как он, застыв, смотрит на расставленные фигурки, будто слушая их безмолвный диалог.

– Адам, уже поздно. Свет почти не видно, – шептала она, шурясь в тусклом свете лампы под абажуром. – Подожди, – он не отрывал взгляда. – Здесь... здесь целая галактика в одной позиции. Видишь? В русских шашках форсировка, точный расчёт. Здесь – глубина. Пространство. Временные жертвы для позиционного преимущества. Это как музыка Баха после простой народной песни. Та же диатоника, но бесконечно сложнее.

Он вёл тетради. Но это были не просто записи вариантов. Это были карты новой вселенной. Он выводил формулы манёвров, сравнивал длинные диагонали с орбитами планет, называл особенно элегантные комбинации «созвездиями». «Сириус» – жертва, открывающая всю вертикаль. «Андромеда» – позиционная ловушка, растянутая на двадцать ходов. Для него теория была не сводом правил, а естественным законом, который нужно было не заучить, а вывести, как Ньютон выводил законы тяготения.

Он видел красоту. Трагическую красоту. В русских шашках борьба часто была как дуэль на шпагах – молниеносной, изящной, с одним решающим уколом. Здесь же битва разворачивалась как эпическое полотно. Стратегия перевешивала

тактику. Нужно было думать не на три хода вперёд, а на тридцать, предвосхищая не конкретные удары, а изменения самой структуры пространства доски.

Первый чемпионат СССР по международным шашкам в 1954 году стал для него не целью, а необходимостью. Проверкой гипотезы. Доказательством того, что открытые им законы – объективны.

Его игра на том турнире была сенсацией не потому, что он всех обыграл. А потому, *как* он это сделал. Мастера, годами шлифовавшие стоклеточную технику, с изумлением наблюдали, как этот «русский» шашист, с его классической школой, играет на стоклетках с пугающей, нечеловеческой глубиной. Он не применял заученные дебюты – он их преобразовывал. Он шёл на позиции, которые по канонам считались проигрышными, и вытягивал их в ничью, а то и в победу, находя ресурсы там, где их, по мнению теории, не существовало.

Финальная партия против признанного корифея, Михаила Столяра, вошла в историю. Адам, играя чёрными, принял жертву в центре на 15-м ходу, позволив противнику создать грозную «батарею». Зал ахнул – позиция казалась безнадёжной. Но Адам не моргнул глазом. Он начал тихий, почти незаметный манёвр на фланге, связав одну дамку белых. Ещё десять ходов – и эта связанность парализовала всю грозную атаку. Ещё пять – и его летающая дамка, как комета, пронзила всю доску, перевернув оценку позиции с точно-

стью до наоборот. Это был не просто выигрыш. Это было откровение. Математическое по своей неизбежности и поэтическое по своей форме.

Когда ему вручили золотую медаль первого чемпионата страны, поздравляли, называли гением адаптации, он почти не слышал. Он стоял, сжимая в ладони холодный металл, и думал о другом. Он думал о том, что только что доказал: его внутренняя вселенная, та, что он строил годами, – истинна. Она работает. Она может описать и покорить любую доску.

Но в этом триумфе уже зрела трагедия. Он оторвался от родной почвы – от ясной, честной логики 64 клеток. Он впустил в себя бездонность, бесконечную сложность. Он стал «Шашечным Апостолом» для других, неся слово о новой игре. Но для себя он стал пленником этой новой, слишком прекрасной и слишком огромной вселенной. Отныне его ум не знал покоя. Он думал о шашках всегда. За завтраком, на прогулке, во сне. Стоклеточная доска жила у него внутри, непрерывно генерируя варианты, комбинации, идеи.

Вернувшись в Ленинград, он сел за стол, отодвинул чемпионскую медаль в сторону и положил перед собой чистый лист. – Что будешь делать? – спросила Анна, глядя на его бледное, озарённое внутренним светом лицо. – Открывать новые миры, – тихо ответил он, уже не видя её. – Их так много. Они все ждут.

Он снова устался в бесконечные диагонали воображае-

мой доски. Отныне и навсегда его домом, его раем и его адом стало это расширенное пространство в сто клеток. Он обрёл новую вселенную. И навсегда потерял покой в старой.

Глава 4. Претендент (1958)

Париж встретил его осенним дыханием Сены, запахом жареных каштанов и отблесками неона на мокром асфальте. Адам Иосифович стоял у окна гостиничного номера на Рю Лафайет и смотрел, как внизу течёт чужая жизнь – быстрая, яркая, неорганизованная. Он чувствовал себя шахматной фигурой, которую передвинули на незнакомую часть доски. Не шахматной – шашечной. Всегда шашечной.

Его сопровождал «опекун» из Спорткомитета, товарищ Миронов, человек с усталыми глазами и неизменным портфелем, в котором, как догадывался Адам Иосифович, лежали не только протоколы матча, но и инструкции куда более серьёзного свойства.

– Завтра пресс-конференция, Адам Иосифович, – сказал Миронов, раскладывая бумаги на столе. – Помните: вы представляете не только себя. Вы – лицо советского спорта. Достижения нашей системы. Идеологическая составляющая крайне важна.

– Я представляю шашки, – тихо ответил Святой, не отрываясь от окна. В стекле отразилось его собственное лицо – бледное, с тёмными впадинами на месте глаз. «Жрец», – подумал он. «Всего лишь жрец».

– Шашки – это тоже поле идеологической борьбы, – назидательно произнёс Миронов. – Ваш соперник, Марсель Де-

лорье, не просто чемпион мира. Он – продукт буржуазного индивидуализма. Его игра – это игра на показуху, на эффект. Ваша – научная, выверенная, коллективная школа советского шашечного искусства. Понимаете разницу?

Адам Иосифович понимал. Он изучил все партии Делорье. Француз был гениальным тактиком, артистом доски, его комбинации напоминали вспышки фейерверка – ослепительные, непредсказуемые. Но за этим блеском Святой угадывал определённую легковесность, почти пренебрежение к фундаменту. Делорье играл, как жил – наслаждаясь моментом, славой, аплодисментами. Его называли «Волшебником с Сены». Адам Иосифович знал, что магия – это лишь иллюзия, за которой стоит знание законов физики. Его мир подчинялся другим законам – железной логике позиции, тихой силе правильного плана.

Матч проходил в зале «Плейель». На первой партии зал был полон. Дым сигарет, шелест платьев, вспышки фотокамер. Делорье появился в сопровождении свиты – элегантный, с седеющими висками, с неизменной улыбкой. Он помахал залу, как король своим подданным. Адам Иосифович вышел скромно, в своём единственном, слегка мешковатом костюме. Он сел за доску, поправил фигуры и ушёл внутрь себя. Внешний мир – шум, камеры, ослепительные люстры – отступил, растворился. Осталась только тишина святилища. Доска. Шестьдесят четыре клетки. Царство необходимости и свободы.

Делорье начал атаку сразу, красиво, рискованно. Жертва шашки на седьмом ходу вызвала восхищённый вздох зала. Адам Иосифович не моргнув глазом принял жертву. Он видел на пять ходов вперёд. Видел изящную ловушку и обходной манёвр. Его ответ был прост, точен и смертельно сучен для публики. Он не убивал красиво – он методично вынимал душу из позиции соперника. К двадцатому ходу улыбка Делорье стала напряжённой. К тридцатому – исчезла. Зал затих. Волшебство не сработало. Его фокусы разбились о каменную стену холодного расчёта.

Победа в первой партии была технической, неоспоримой. В раздевалке Миронов сиял.

– Блестяще, Адам Иосифович! Вы показали торжество метода! Его индивидуализм разбит о коллективный разум нашей школы!

Святой молча кивал, чувствуя пустоту. Он победил не «буржуазного индивидуалиста». Он победил блестящего игрока, но игрока, чья страсть к красоте затмила здравый смысл. Это была не идеологическая победа. Это была победа истины над заблуждением. Но он не мог этого объяснить Миронову.

Последующие партии превратились в медленную пытку. Делорье метался, искал новые ключи, пробовал острые дебюты, неожиданные жертвы. Но Адам Иосифович был непоколебим. Его игра была как ледник – медленная, неотвратимая, сокрушающая. Он не просто выигрывал – он демон-

стрировал новый, пугающий уровень понимания игры. Пресса окрестила его «Русским Сфинксом». «Шашечным Апостолом» – это название пришло позже, из статьи одного впечатлённого французского мастера.

Решающая, шестая партия. Делорье, отчаянно отбивающийся, сумел создать сложную, динамичную позицию. Казалось, вот он, шанс для эффектного камбэка. Зал замер. Миронов в первом ряду нервно теребил программу матча. Адам Иосифович склонился над доской. Внешне – статуя. Внутри – огонь. Он видел не отдельные ходы, а поток, музыку возможностей. И там, где другие видели хаос, он узрел скрытую гармонию. Комбинацию в тринадцать ходов, начинавшуюся тихим, почти незаметным движением простой шашки. Жертвой, которая не была жертвой, а лишь переходом в иное качество.

Он сделал этот ход. Делорье нахмурился, не поняв. Через пять ходов его лицо побледнело. Ещё через три – он откинулся на спинку стула и коротко кивнул. Сдался. Не дожидаясь мата.

Абсолютная тишина, а затем взрыв аплодисментов. Но это были не те восторженные крики, что сопровождали фейерверки Делорье. Это были аплодисменты уважения, почти страха. Они аплодировали не человеку, а силе, которая им управляла.

Церемония награждения. Рукопожатие. Делорье, стараясь сохранить достоинство, прошептал по-французски: «Вы иг-

раете не в шашки, месье. Вы играете в богов». Адам Иосифович не ответил. Он смотрел на золотую медаль в своей ладони. Она была холодной и очень тяжелой.

На родине его встречали как героя. Заголовки «Правды» и «Известий»: «Триумф советской школы!», «Гроссмейстер Святой: шашки – наше идеологическое оружие!». Ему присвоили звание международного гроссмейстера. Устроили приём в Спорткомитете. Выдали новую квартиру. Его лицо смотрело с экранов кинохроники – строгое, отрешенное.

Пик славы. Он был на вершине. Его имя знала вся страна. Но чем громче звучали фанфары снаружи, тем глуше становилась музыка внутри. Та самая, что рождалась в тишине его кабинета из скрипа пера по бумаге, из стука костяшек на деревянной доске – музыка чистой мысли, чистых комбинаций.

Однажды вечером, уже в Москве, он сидел в своей новой, пустынной ещё квартире. На столе лежали вырезки из западных газет, где его называли «Апостолом». На стене висел диплом гроссмейстера. Он взял свою старую, потёртую тетрадь с анализами, открыл её и попытался сосредоточиться на одной из своих старых, неразрешенных позиций. Но из соседней квартиры доносились звуки радиоприёмника – передача о его подвиге, патетический голос диктора.

Адам Иосифович отложил перо. Он подошёл к окну. Москва горела огнями. Где-то там, в этих домах, люди радовались его победе как своей, как победе всей страны. Он был

символом. Иконой. «Советским человеком».

Он прижал ладонь к холодному стеклу. – Я всего лишь Святой, – тихо сказал он темному отражению в окне. – А вы все – лишь шум.

Слава накрыла его тяжёлым, золочёным покрывалом. И под ним становилось всё труднее дышать.

Часть II: КОМБИНАЦИЯ. Игра с Системой (1959—1978)

Глава 5. Царство

Корону не надевают – на нее возводят. Постепенно, кирпичик за кирпичиком, из побед, фото в «Советском спорте» и речей на партсобраниях. Адам Иосифович стоял на вершине, но ощущал себя не на троне, а на застекленном пьедестале. Он был Царем, но царством его была не доска – она оставалась единственной свободной территорией, – а золотая клетка абсолютного чемпионства.

Каждая защита титула превращалась в многоходовую операцию, где первый ход делал он за доской, а все последующие – невидимые силы за кулисами. Перед матчами с иностранцами его вызывали не тренеры, а люди в плохо сидящих штатноватых костюмах. «Товарищ Святой, ваша победа – это удар по идеологическим противникам. Покажите мощь советской школы. Не оставляйте им надежды». Это звучало не как пожелание, а как план боевой операции.

Его стиль, прежде летящий, интуитивный, начал обрастать тяжеловесной, незыблемой правильностью. Он должен был не просто выигрывать. Он должен был громить, демон-

стрировать подавляющее превосходство. В его анализах появились пометки, которые он не делал: «уклонение от острой игры может быть расценено как недостаток боевого духа». Он ловил себя на том, что в критической позиции выбирал не самый изящный, а самый безошибочный, самый убийственный вариант. Красота приносилась в жертву эффективности. Его внутренний мир шашек, кристаллически-четкий и бесконечно глубокий, дал первую, почти невидимую трещину.

Он стал «витриной». Его лицо, с резкими скулами и спокойными глазами, смотрело с агитплакатов рядом со сталеварами и космонавтами. «Наша интеллектуальная мощь!» Его отправляли в турне по заводам и колхозам, где он играл сеансы одновременной игры. Рабочие и крестьяне, потные, с мозолистыми руками, смотрели на доску с благоговейным страхом. Он видел, что они не понимают и десятой доли красоты происходящего, но их лица светлели от причастности к чему-то великому, советскому. Он был иконой, а иконам не положено уставать, сомневаться, иметь личную жизнь.

Давление копилось, как подземные воды. Оно просачивалось в сны, где черные и белые дамки превращались в глазницы пустых черепов, а сам он был всего лишь фигуркой, которую передвигает огромная рука с рукавом цвета хаки. Он начал просыпаться по ночам от собственного стука зубами.

Кульминацией стала защита титула против молодого, голодного на победу претендента из Ленинграда, Волкова. Тот

был порождением системы – дисциплинированный, вышколенный, без единого лишнего жеста. Матч проходил в Колонном зале. На первые ряды были посажены чиновники Спорткомитета и важные, ничем не интересовавшиеся гости.

Игра шла вязко, тяжело. Волков применял новомодные, скучные схемы, разработанные целым институтом. Адам чувствовал, как его душит ярость. Не на соперника – на эту мертвую, выхолощенную игру, на эти ожидающие трибуны, на самого себя, который не может, не имеет права сорваться и сыграть гениальную, но рискованную комбинацию. Он был скован не фигурами противника, а невидимыми нитями.

В решающей, седьмой партии, при равной позиции, Адам увидел ход. Не просто сильный, а ослепительный. Жертва, которая вела к головокружительной атаке, к такой красоте, от которой захватывало дух. Ход, достойный Шашечного Апостола. Его пальцы потянулись к фигуре.

И тут он взглянул на зал. На неподвижное, каменное лицо заместителя председателя Спорткомитета. На этот взгляд было написано все: «Только без самодеятельности. Только наверняка».

Рука замерла в воздухе. Вечность длилась три секунды. Пальцы дрогнули, опустились и передвинули другую фигуру – на надежную, скучную, ничейную позицию.

В зале выдохнули – чиновники от облегчения, знатоки от разочарования. Волков, поняв, что смертельная опасность

миновала, быстро согласился на ничью. Адам сохранил титул.

Когда ему вручали золотую медаль и он, по инструкции, поднимал вверх руку с букетом, грянули аплодисменты. Но в его ушах стоял иной звук – сухой, отчетливый щелчок. Трещина в его внутреннем мире прошла глубже, разделив Адама-художника и Адама-витрину на два непримиримых лагеря.

После церемонии к нему подошел тот самый зам. Пожал руку, похлопал по плечу: «Умно сыграл, Адам Иосифович. Разумно, по-государственному. Без авантюр. Так и надо – уверенно, как наш советский человек».

Адам вернулся в гостиницу «Советская», в свой номер-люкс, подарок чемпиону. Он сел у окна, смотря на ночную Москву, на рубиновые звезды Кремля, и достал из кармана маленькую походную доску. Расставил позицию того самого, несыгранного хода. Фигуры блестели в свете лампы. Он прошел всю комбинацию до конца. Она была безупречна. Это была не победа. Это была поэма.

Он сидел так до самого утра, глядя на доску, где в тишине и одиночестве его гений одержал самую горькую и бесполезную из побед. Царство осталось за ним. Но что-то в его душе, самое главное, безвозвратно капитулировало.

Глава 6. Тень Баба Си (1963)

Воздух в кабинете был густым и неподвижным, пахло пылью на державных папках и дешевым табаком. Адам Иосифович не садился, стоя у окна, за которым медленно гасли краски осенних московских сумерек. Он чувствовал каждую клетку на своем пиджаке от серого костюма, будто она была частью гигантской, чуждой ему доски.

Напротив, за широким письменным столом, восседал товарищ Румянцев. Не из Спорткомитета, нет. Отсюда, из этого здания с высокими потолками и бесшумными коридорами, исходил другой аромат – аромат решений, не подлежащих обсуждению.

– Понимаете, Адам Иосифович, ситуация деликатная, – голос Румянцева был ровным, как линолеум на полу. – Баба Си. Мали. Новый свет в шашках, самоучка из бывшей колонии. Символ. Символ прогресса, дружбы народов, антиколониальной борьбы.

Адам кивнул. Он знал все о Баба Си. Изучил его партии, опубликованные в редких зарубежных бюллетенях. Стиль – перевозданный, интуитивный, словно само африканское солнце выжгло на клетчатой доске невиданные комбинации. Вызов. Мечта. Матч за неофициальное, но всеми признаваемое звание сильнейшего в мире. Переговоры шли полгода. И вот...

– Матч не состоится, – сказал Румянцев, не повышая тона. Он сделал паузу, давая словам осесть, стать необратимым фактом. – Политически нецелесообразно.

– Нецелесообразно? – собственный голос показался Адаму чужим, доносящимся из соседней комнаты. – Я готов. Он готов. Весь мир ждет. Это...

– Весь мир подождет, – отрезал Румянцев. В его глазах мелькнуло легкое раздражение – к непонятливым. – Победите вы – скажут: советский гроссмейстер, воспитанник могучей системы, раздавил самобытный талант молодой независимой страны. Подавил символ. Неоколониализм в действии. Проиграете... – Румянцев позволил себе тонкую, ледяную улыбку. – Вы не проиграете, Адам Иосифович. Мы в этом уверены. Но гипотетически – это будет удар по престижу. По всему, что мы строим.

Адам смотрел на чиновника и вдруг с абсолютной, кристальной ясностью увидел не человека, а функцию. Механизм. Часть огромной, бесчувственной логической схемы, где он, Адам Святой, «Шашечный Апостол», был лишь элементом – «переменная А». Его воля, его страсть, его титул, отвоеванный в сотнях баталий на клетках, не имели здесь никакого веса. Они были разменной монетой в игре, правил которой он не знал и презирал всей душой.

– Я... не вещь, – тихо произнес он, и слова прозвучали не как протест, а как открытие. Горькое и окончательное.

Румянцев наклонил голову, словно рассматривая редкий,

но не слишком ценный экземпляр.

– Вы – достояние, Адам Иосифович. Наше общенародное достояние. И распоряжаться этим достоянием будем мы, исходя из высших государственных интересов. Матч отменен. Официально – по причине непреодолимых организационных трудностей. Вы будете молчать. Вам есть чем заняться – подготовка к чемпионату Союза, работа над новой книгой.

Адам больше ничего не слышал. Он вышел, плотно закрыв за собой тяжелую дверь. Здание, улица, город – всё стало сценой, декорацией, внутри которой он двигался как автомат. В его ушах стоял гул – гул несостоявшейся игры. Он чувствовал присутствие Баба Си, этого призрачного соперника, тень которого уже легла на его жизнь, не коснувшись ни одной шашки.

Дома, в тишине своей комнаты, заставленной полками с шашечной литературой, он подошел к столику с инкрустированной доской. Кость и черное дерево. Святая святых. Он провел пальцами по гладким клеткам. Раньше они отвечали ему теплом, тихим звоном возможностей. Теперь доска была холодной. Могильной плитой.

Он сел. Мысленно расставил фигуры. Он играл обеими сторонами. За себя – выверенные, классические дебюты, глубокий позиционный расчет. За Баба Си – дерзкие, почти варварские атаки, жертвы, ведущие в неведомые позиционные джунгли. В его сознании разворачивался матч-призрак.

Партия за партией. Ход за ходом. Он выигрывал. Он проигрывал. Он боролся. Это была чистейшая, неомраченная ничем битва умов.

А наяду была тишина. И решение товарища Румянцева.

Внутри что-то оборвалось, сломалось и тут же начало кристаллизоваться в новую, жесткую формацию. Бунт. Не внешний – на крик, на сломанную мебель, на заявление о выходе из партии (это было бы смешно и бессмысленно). Это был бунт духа. Окончательное, бесповоротное отделение.

Он больше не был «советским гроссмейстером». Он был Адамом Святым, заложником, вынужденным носить маску, за которой тлел огонь неприятия. Его родиной отныне были не страны на карте, а шестидесятичетырех клеточное пространство, царство чистого духа. А все, что за его пределами – правительства, идеологии, «высшие интересы» – было враждебным, абсурдным шумом.

Он встал от доски. Сумерки сгустились в ночь. В окне горели огни чужих окон, таких же клетчатых, как и доска. Он погасил свет и сидел в темноте, и в этой темноте родился новый Адам. Тот, для которого мир разделился на две реальности: пошлая, принудительная реальность стен, паспортов и приказов – и реальность свободы, существующая только в полете мысли над черно-белыми полями.

«Баба Си, – подумал он, глядя в темноту, будто через океаны и пустыни видя того, с кем никогда не скрестит шашки. – Мы сыграем. Не здесь. И не сейчас. Но мы сыграем.

Я сохранию для тебя эту игру. В себе. В единственном месте, куда они не могут дотянуться».

Он был «вещью» для них. Но его воля, его гений отныне становились холодным, отточенным оружием, спрятанным под маской покорности. Трагедия не была в отказе. Трагедия, и его прозрение, заключались в понимании, что сам отказ, сам этот разговор – и были главной партией его жизни. Партией, в которой он, пока что, был лишь пешкой. Но пешка, дойдя до края доски, может превратиться в любую фигуру. Даже в королеву. Даже в мстительного духа, в тень, которая однажды двинется в непредсказуемом, сокрушительном направлении.

А за окном, над спящей Москвой, лежала длинная-длинная тень. Тень Баба Си. Тень несбывшегося матча. Тень, которая отныне навсегда будет частью Адама Святого, его молчаливым союзником и вечным укором.

Глава 7. Призрачный титул (1975)

Дым сигареты, поднимающийся к потолку ленинградской квартиры, был единственным движением в комнате. Адам Иосифович Святой сидел у стола, на котором лежала нераспечатанная телеграмма. Он знал, что в ней. Знал ещё неделю назад, когда от Сейбрандса пришло официальное уведомление – голландец отказывался играть матч за звание чемпиона мира.

«По политическим мотивам», – значилось в сухом официальном письме ФМЖД. Но Адам читал между строк: мир предпочитал не замечать шашкиста-невозвращенца, человека без страны, чья доска стала полем битвы более масштабной, чем шестьдесят четыре клетки.

Он всё-таки вскрыл телеграмму. Лаконичный текст на английском сообщал то, что должно было стать триумфом: Федерация шашек мира объявляла его чемпионом мира 1975 года в связи с отказом действующего чемпиона защищать титул.

Адам медленно положил бумагу на стол, рядом с незавершённой аналитической работой по системе Козлова. Его пальцы, привыкшие за сорок лет к точным движениям, дрогнули. Он поднялся, подошёл к книжному шкафу, где между томами по теории шашек стояла скромная деревянная доска – та самая, на которой он в двенадцать лет обыграл чем-

пиона города.

– Что они сделали с нами, – тихо произнёс он, обращаясь не к комнате, а к тому мальчику из Вильнюса, который верил, что шашки чище политики.

Его мир – мир позиционных манёвров, точных комбинаций, жертв, ведущих к победе, – обесценивался. Титул, за который не сражались. Корона, возложенная в пустом зале. Что это – признание его заслуг или изощрённая форма унижения? Политический жест, призванный показать «справедливость» Запада к диссиденту? Или бюрократическое решение, лишённое духа соревнования?

Он вспомнил 1958 год – свой первый международный успех. Тогда за доской сидел живой человек, Тони Сейбрандс, молодой, дерзкий. Они говорили на языке шашек, языке, понятном обоим. Теперь Сейбрандс, ставший инструментом в большой игре, отворачивался от доски. Не из страха проиграть – Адам знал это. Сейбрандс не боялся ничьих. Он боялся тени, которая легла между ними – тени «железного занавеса», тени предательства, тени пропаганды.

Жена, Мария, вошла в комнату без звука. Она видела его спину – прямую, но как-то неестественно застывшую.

– Адам?

– Они назвали меня чемпионом, – сказал он, не оборачиваясь. – На бумаге.

Он повернулся. В его глазах, обычно спокойных и сосредоточенных, бушевала буря.

– Я всю жизнь стремился к этому титулу. Мечтал о честном матче, о борьбе умов, о... – он запнулся, – о признании. Не той дешёвой славы, которую сулили газеты, когда я уехал. А признания как мастера. Как того, кто служит игре.

– Ты и есть мастер, – тихо сказала Мария.

– Мастер чего? – голос его сорвался. – Мастер игры в одиночестве? Мастер анализа позиций, которые никогда не возникнут на настоящей доске? Они превратили мою жизнь в партию против призраков. Сначала – против призраков советской системы. Теперь – против призрака титула.

Он подошёл к окну. За ним был Нью-Йорк, чужой и шумный. Здесь, в Ленинграде, в этой квартире, которую они покинули семь лет назад, всё осталось прежним. Только шашки из игры превратились в символ. Символ свободы для одних, символ предательства для других.

– Знаешь, что самое горькое? – спросил он, уже спокойнее. – Что я, наверное, выиграл бы у него. Я анализировал его последние партии. У него появилась предсказуемость в вариантах разменной системы. Я бы...

Он замолчал. Неважно, что он бы сделал. Матча не будет. Титул его, но он не чувствует тяжести короны. Только лёгкость бумаги, на которой напечатано решение ФМЖД.

– Меня называли «Шашечным Апостолом», – горько усмехнулся Адам. – Апостол проповедует веру. Но во что я могу верить теперь? В святость правил, которые попираются политиками? В чистоту игры, которую используют как ору-

жие в холодной войне?

Он вернулся к столу, взял телеграмму.

– Это не победа. Это – ничья. Ничья со всем миром. Только в шашках ничья – результат тонкого баланса, искусственного достижения. А здесь... Здесь это просто пустота.

На следующее утро он отправил ответ в ФМЖД. Короткий, без эмоций: «Принимаю решение федерации». Но в отдельном письме своему старому другу, остававшемуся в СССР, он написал другие слова: «Титул, за который не сражался, – это как любовь, которую не пережил. Он существует в теории, но лишён души. Моя душа осталась в тех партиях, что мы играли с тобой в парке на скамейке. Всё остальное – призраки».

Эти слова не были опубликованы. Они остались в личном письме, как остались в истории шашек две строчки: «Чемпион мира 1975 года – Адам Святой (присуждено)». Без звёздочки, без объяснений.

А вечером того же дня Адам Иосифович сел за доску один. Расставил шашки. Начал анализировать позицию, которая могла бы возникнуть в гипотетическом матче против Сейбрандса. Его пальцы двигались уверенно. Здесь – жертва для обострения. Здесь – тонкий манёвр. Здесь – неочевидная комбинация, ведущая к победе.

Он играл против призрака. И в этой тихой комнате, в одиночестве, его шашки наконец обрели смысл. Не титула, не политики, не признания. А той самой чистой игры, ради

которой всё и начиналось.

Только на мгновение, закончив анализ, он поднял глаза к пустому стулу напротив и тихо спросил:

– Что это было, Тони? Трусость? Или мудрость?

Ответом была тишина. Тишина, которая оказалась громче любых аплодисментов и значительнее любой бумажной короны.

Глава 8. Эндшпиль (1978)

Дверь захлопнулась с тихим, но окончательным щелчком. Словно захлопнулась не дверь казенной квартиры на Ленинском проспекте, а крышка некоего гроба – гроба для жизни, которую он знал. Адам Иосифович стоял посреди почти пустой гостиной. У стены, прислоненный, ждал один-единственный чемодан. Не эмигрантский багаж, полный надежд на новое начало, а скорее ритуальный сосуд, вмещающий останки его советского бытия.

На журнальном столике лежала телеграмма, уже зачитанная до дыр, до состояния ветхого пергамента. Короткая, казенная фраза из Спорткомитета, уведомляющая, что «в связи с действиями, порочащими звание советского спортсмена»... Далее шло официальное словоблудие, но суть была в трех словах, выжженных в сознании: «лишен звания «Заслуженный мастер спорта СССР».

Не «отозвано», не «приостановлено». Именно «лишен». Как лишают сана священника. Система совершала свой обряд отречения. «Шашечный Апостол» был низвергнут самим храмом, в котором проповедовал.

Он подошел к окну. Москва в октябре. Серое, тяжелое небо, точно свинцовая крышка. Люди внизу, спешащие по своим маршрутам, были частью огромного, дышащего единым ритмом организма. Его организма. Его воздуха. Его

языка, на котором он думал о вариантах и комбинациях, на котором объяснял любовь жене и читал сказки дочери перед сном.

«Свобода», – прошептал он в холодное стекло. Слово казалось инородным, чужим, как термины из чужой теории. Что оно значило? Свободу от чего? От очередей, от дефицита, от этой вечной, давящей серости? Нет. Это была чепуха. Он мог терпеть быт. Он мог терпеть многое.

Его свобода была другой. Она была размером 64 клетки. Шашки. Не спорт в парадной форме, не «мирное соревнование двух систем», не доказательство превосходства советской школы. А чистое искусство. Геометрия души, разлитая на черные и белые квадраты. Тихий диалог умов, длящийся через века и границы. Это он хотел сохранить. Это у него отнимали.

Его последняя статья в «64» была изуродована до неузнаваемости. Главный редактор, старый приятель, смотрел в пол: «Адам, ну ты же понимаешь... упоминание о чемпионате в Амстердаме... без оценки политики голландских властей... нельзя». Его теорию «жертвенного прорыва» в эндшпиле разбирали на партсобрании – не с точки зрения эффективности, а с точки зрения «создания культа индивидуализма, противоречащего коллективистской природе советского спорта». Его ученику, талантливому юноше, внезапно отказали в визе на турнир в Швецию. Причина? «Несоответствие морально-волевым качествам представителя со-

ветской молодежи». Адам знал настоящую причину: юноша слишком часто бывал в доме у Святого.

Система не просто давила. Она требовала соучастия. Она хотела, чтобы он сам изгадил свое искусство, надел на него узду идеологии, превратил в коня-иноходца для парадов. Она говорила: «Ты можешь играть. Но твои победы – наши. Твои мысли – наши. Твое звание „апостола“ – лишь в рамках нашего канона».

Он отвернулся от окна. Взгляд упал на скромную полку, где стояли книги и несколько фотографий. Фото с чемпионата мира 1958-го, его триумфа. Молодой, с острым, еще не уставшим взглядом. Рядом – снимок с отцом, Иосифом, учителем математики, который научил его не только правилам, но и красоте логики. Тот самый отец, прошедший войну и веривший в эту страну до последнего вздоха. Что бы он сказал сейчас?

«Беги, сын, – услышал Адам его голос, тихий и ясный, каким он запомнил его с детства. – Беги, чтобы остаться собой. Чтобы твои шашки не стали доносчиком. Чтобы доска не стала полем для политической игры, на которой ты – всего лишь пешка».

Это было не бегство к лучшей жизни. Это было бегство к единственно возможной. К жизни, где его мир – мир тишины, сосредоточенности, деревянных фигур на клетчатой плоскости – мог сохраниться. Не процветать – просто выжить. Не загнить изнутри под давлением лжи и страха.

Он открыл чемодан. Поверх аккуратно сложенных рубашек и книг лежала старинная шашечная доска, подарок первого учителя, и жестяная коробка с фигурами. Весь его Ватикан. Весь его Синод. Он ехал не в Америку. Он ехал в шашки. Все остальное – язык, пейзажи, люди, воздух – было болезненной, невозполнимой жертвой. Ценой за сохранение святыни.

В дверь постучали. Вошли двое из Спорткомитета, в одинаковых серых пальто. Лица вежливые, каменные. – Адам Иосифович, документы готовы. Самолет вечером. Вы сдали партбилет в райкоме? – Сдал, – голос прозвучал хрипло. – Паспорта с отметками есть? – Есть. Один из них скользнул взглядом по пустой комнате, по чемодану. – Жаль, что так получилось. Вы много сделали для советских шашек. Адам посмотрел на него. Не с ненавистью. С бесконечной усталостью. – Я ничего для них не делал. Я просто играл в шашки. Это не одно и то же. Молчание повисло тяжелым занавесом. Чиновник кивнул, не понимая или делая вид, что не понимает. – Машина внизу. Проводим.

На трапе самолета Ил-62 он обернулся. Последний взгляд на Родину, которая теперь была просто аэропортом «Шереметьево», скоплением огней в промозглой темноте. В горле стоял ком, горячий и плотный, но слез не было. Слезы – для живого горя. А это было что-то иное. Похороны. Он хоронил часть себя, самого Адама Святого, советского гроссмейстера. Тот человек оставался здесь, на этой земле, под этим се-

рым небом. В самолет садился другой – Адам Иосифович, просто шашист. Человек без званий, без родины, с одной лишь доской в чемодане.

Самолет рванул с места, пересиливая земное притяжение. Адам закрыл глаза. Перед ним, как на внутреннем экране, возникла позиция. Критическая. Эндшпиль. Все тяжелые фигуры уже сняты с доски. Осталось несколько простых. Кажется, ничья. Кажется, выхода нет. Но есть тонкий маневр. Жертва. Кажущийся отступным ход, который ведет к единственно возможному спасению. Ценой – оставить свою «дамку» под удар, отдать центр, пожертвовать материальным преимуществом.

Он мысленно сделал этот ход. Белая простая шагнула вперед, навстречу неизбежному взятию. Но это взятие открывало путь... путь к свободе, к спасению последней, решающей фигуры.

Он открыл глаза. В иллюминаторе была только чернота и редкие звезды. Глухая, всепоглощающая тишина двигателей.

– Выжить можно только здесь, – прошептал он в эту тишину, глядя в никуда. – А умереть – там.

Это и был его эндшпиль. Не победа. Спасение. Ценой всего.

Часть III: ВЕЧНАЯ ПАРТИЯ. Изгнание и Бессмертие (1978—2006)

Глава 9. Нулевой дебют

Душный зал клуба «Парадиз» на Брайтон-Бич в пятницу вечером пах старыми книгами, кофе и немолодой тоской. Воздух был липким от воспоминаний, которые висели здесь, как дешевые люстры. Адам Иосифович, теперь просто Адам, сидел за столиком у стены, держа в пальцах не шашку, а мятую картонную карточку участника «Еженедельного блиц-турнира». Его имя было написано шариковой ручкой, смазавшейся от влажности пальца.

Нулевой дебют. Так называется начало, когда доска пуста, а противник ещё не сделал ни одного хода. Так называется жизнь, когда тебе за сорок, твой чемпионский портрет пылится в чужом архиве, а твои теоретические разработки кто-то методично переиздаёт под своей фамилией в Москве. Ты – живой ноль. Ты – чистый лист.

Он смотрел на доску перед ним. Картонная, потертая, с едва заметной разливкой. Не мраморный столик ЦДСА, не шелковая ткань чемпионатов мира. Здесь не было ни

вспышек фотокамер, ни затаённого дыхания зала. Был только скрип стула, фырканье старика по имени Лейб напротив и далёкий гул нью-йоркского трафика.

– Ну, Адам, начинай, – сказал Лейб на идише. – Ты же у нас апостол, как я слышал.

Адам вздрогнул. Это слово здесь, в этом убогом раю эмигрантов, прозвучало как насмешка. Но в голосе Лейба не было издевки. Была лишь усталая констатация факта, как «дождь идет» или «чай остыл». Здесь он не был Святым. Он был Адамом, новым русским дядей, который неплохо двигает шашки.

Он сделал первый ход. Просто ход. Не гамбит Святого, не система Арона, не тончайшая подготовленная ловушка. Просто шашка на стандартное поле. Нулевой дебют. Начало без прошлого.

Ход Лейба был предсказуем. Адам видел всю игру наперёд на десять ходов. Его ум, отточенный на анализе позиций мировой сложности, автоматически просчитывал эту примитивную партию до матча. Но в этом не было прежней жажды – сокрушить, доказать, блистать. Было странное, почти буддийское спокойствие. Он двигал фигуры, как монах перебирает чётки. Не для победы. Для процесса.

Мыслью он вернулся в прошлый четверг, на чемпионат Москвы 1968 года. Зал Дворца пионеров. Он, Адам Иосифович Святой, международный гроссмейстер, должен был одержать красивую победу в стиле «летающих шашек» для

статьи в «Советском спорте». Он выиграл. Сухо, технично, без полёта. После партии к нему подошёл замредактора. – Адам, народ ждет красоты. Граждане хотят видеть искусство. Ты же наш Апостол. Он тогда смотрел на свою фамилию в турнирной таблице, отпечатанную на машинке. «Святой». Это было клеймо. Ожидание. Тяжелый, не свой плащ.

Здесь, в «Парадизе», никто не ждал апостольства. Здесь ждали, что он заплатит за кофе доллар и не будет спорить из-за ничьей.

Лейб неожиданно сыграл в грубейшую «западню новичка». Адам замер. Его пальцы сами потянулись сделать элегантный, разящий ответ – комбинацию, которую он находил в шесть лет. Но он остановил руку на весу. Зачем? Чтобы блеснуть перед Лейбом, который через минуту забудет об этом? Чтобы напомнить себе, кем он был?

Он выбрал другой ход. Простой, солидный, ведущий к тихой, невыразительной позиции. Почти к ничьей. Это был акт величайшего смирения. Отказ от дара. Отказ от бремени.

– Ой, умно, – пробормотал Лейб, почесав щеку. – Ничего не разберу.

В этот момент, глядя на недоуменное лицо старика, на потёртую карту доски, на свой простой ход, Адам почувствовал это. То самое.

Освобождение.

Он был никто. Ни советский чемпион, ни герой, ни Апостол. Он был просто игрок. Человек за доской. Его личность

больше не была загромождена титулами, ожиданиями, идеологией. Он стёр сам себя до чистого холста. Нулевой дебют.

Внезапно игра обрела новый вкус. Он стал замечать не математическую глубину, а физическую фактуру: желтоватый оттенок светлых шашек, мелкую трещинку на темной, прилипшую крошку на краю доски. Он слышал не тиканье шахматных часов, а бульканье кофеварки и жалобную мелодию русской песни из радиоприёмника за стойкой.

Он сделал ещё один ход. Теперь уже не для победы или ничьей. А просто чтобы продолжить это состояние. Состояние чистого присутствия. Бытия в «здесь и сейчас», которое не снилось ему ни в одном из дворцов спорта.

Партия закончилась вничью через двадцать ходов. Лейб пожал плечами. – Ничьяшная позиция. Ладно. Зато поумничали.

Адам кивнул и откинулся на спинку стула. Через грязное окно он видел неоновую вывеску магазина «Одесса». Он думал не о проигранных титулах, не о украденных теориях, не о разбитой карьере. Он думал о том, что завтра, в субботу, здесь снова соберутся такие же, как он, «никто». Будут играть на доллар партия. Спорить. Смеяться. Жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.